

Первые весла России

Масленников И.

Фото: Анатолий Андреевич Переселенцев, 1913 год

Что бы наши историки оптимисты ни говорили о достижениях русского дореволюционного спорта, надо, увы, признать, что достижения эти были скромными, и «вторая Цусима» российских олимпийцев на Играх 1912 года в Стокгольме – свидетельство тому объективное и убедительное.

Другое дело, что было несколько самородков, которые достигли международного уровня, зачастую вопреки всему и вся. Среди них и гребец на одиночке Анатолий Переселенцев, выигравший несколько крупных международных регат, в том числе и открытый чемпионат Европы (по сути, мировое первенство) в Генте, но уже в двойке.

Здесь, кстати, угадывается удивительная и славная линия: начиная с первых лет минувшего века, у нас всегда были первоклассные одиночники, и линию эту открывают петербуржец Михаил Кузик и москвич Переселенцев, ставший вскоре его злейшим в гонках соперником и в конце концов превзошедший Кузика.

В 1909 году Кузик выиграл в Амстердаме открытый чемпионат Голландии, затем повторил этот успех, а в 1912-м дошел на знаменитой тогда Хенлейской регате до финала, но проиграл очень сильному австралийцу Мак-Вилли. В том же году он прибыл на Олимпиаду в Стокгольм, но на тренировке разбил лодку, а на новой не смог пробиться в финал.

Сам Переселенцев греб красиво и эффективно, идеально используя свои 80 кг веса при росте 185 см. Эту манеру грести он получил, посещая два года зарубежные клубы, о чем нелишне рассказать поподробнее.

xxx

Этот прекрасно образованный, беспечный, красивый юноша, уже вызывающий интерес у московских дам, очень беспокоил свою почтенную матушку и отчима, владельца музыкального магазина-салона на Кузнецком мосту. Поэтому на семейном совете и было принято решение отправить его для изучения коммерческого дела в Берлин, а затем в Кембриджский университет. Но с учебой у Анатолия Переселенцева не очень сложилось – по причине необыкновенной живости характера. В Берлине он нашел общий язык с тремя местными студентами-гребцами. Вместе они составили команду и принялись разъезжать по городам и весям Старого Света, участвуя в лодочных состязаниях.

Но как всякий истинный одиночник Анатолий Переселенцев был индивидуалистом (у нас их какое-то время величали «куркулями», это на самом деле особая категория заикленных на себе людей), отчего, в конце концов, и пересел в одиночку. Он вошел в элиту гребцов в этом классе, выиграв для начала (1912 год) у чемпиона Англии Бересфорда, будущего олимпийского чемпиона, а осенью того же года опередил на два корпуса лодки самого Кениара, который несколько раньше на Играх в Стокгольме выиграл финал.

Можно предположить, что Переселенцев выступил бы на этих Играх посильнее Кузика, но причина его отсутствия вовсе не в интригах. Она проста. Тогда Переселенцев жил и работал коммерсантом в Париже, и ему даже в голову не пришло похлопотать об олимпийской заявке. К тому же престижные европейские регаты, как это ни странно звучит сейчас, котировались по понятиям того времени значительно выше олимпийских.

Следующий, 1913 год стал самым удачным в гребной карьере Анатолия Переселенцева. Накануне чемпионата Европы в Генте олимпийский чемпион 1900 года на одиночке 36-летний Анри Барелле, понимая, что в этом классе ему ничего не светит, предложил русскому красавцу выступить в двойке. Они и выиграли, хотя ближе к финишному створу молодой русский греб и за «пассажирафранцуза», но во всех справочниках эта победа принадлежит Франции. Переселенцев было закапризничал, но ему объяснили, что лодка, на которой он состязался в Генте, принадлежит гребному клубу Барелле, и таким образом, они шли как бы под французским флагом.

xxx

По прибытии в Париж Переселенцев узнал, что Кениар сделал ему вызов на матч-реванш. Согласие он дал без колебаний, а в дни ожидания этой встречи легко выиграл чемпионат Франции и получил «Кубок Сены». Ну а его гонка с Кениаром вызвала неописуемый интерес, поскольку, помимо ее непредсказуемости и высочайшего мастерства двух гребцов, сказывалась и традиционная неприязнь французов ко всему английскому.

В тот день обе набережные Сены были заполнены публикой, многие залезли на деревья или заняли места в прибрежных кафе. Кениар выглядел предельно мобилизованным и серьезным, он первым подрулил к стартовому плотнику, тогда как Переселенцев кивал и улыбался приветливой к нему публике.

Это состязание он выиграл, но олимпийский чемпион оказал ему отчаянное сопротивление: лишь последними гребками москвич сумел «вырезать» нос лодки. Безмерно уставший он вернулся в гостиницу, где, по воспоминаниям Анатолия Андреевича, его ждал сюрприз: визит гастролировавшего тогда в Париже Шаляпина. Было выпито много шампанского, причем вместе с огорченным Кениаром. Обоих Шаляпин пригласил на свой вечерний спектакль, но в ложе Кениар погрузился в тяжелый сон, тогда как Переселенцев держался молодцом до конца, продолжив встречу с «королем баса» в ночном ресторане.

xxx

Спустя год он вернулся в Москву, и на Александровском вокзале Переселенцева встретили с объятиями и восхищением. На следующий день в яхт-клуб доставили три шикарные немецкие одиночки, которые Анатолий Андреевич приобрел за свой счет и отдал безвозмездно. Одну из них он назвал «Марти»: поговаривали, в честь некоей его парижской пассии.

Лодка эта позднее стала легендарной, на ней выступал Александр Долгушин, гребец с феноменальными физическими данными, неоднократный чемпион СССР. Его всесоюзный, довоенный рекорд (7.15,1) смог превзойти, да и то на какие-то десятые, лишь в 1952 году ленинградец Юрий Тюкалов, ставший в Хельсинки осенью того же года нашим первым олимпийским чемпионом по гребле.

Стрелковские старички, а они люди знающие, твердо стояли на том, что и по физическим качествам (у Долгушина было 192 см роста и 84 кг веса), и по силе характера, и по живой, раскованной гребле он мог стать олимпийским чемпионом. Ни один зарубежный одиночник и близко не приближался к результатам московского гребца-самородка.

Жил он у Бабьегородского рынка. Еще мальчишкой отец устроил его перевозчиком, тогда он и получил навыки в тяжелой «народной» лодке. А когда пришел на «Стрелку» и через месяц принял участие в гонке, то не только выиграл, но и показал такой результат, что все подумали – сломался секундомер.

Само собой, Долгушин был любимцем Переселенцева. Стиль этого добродушного, с неотразимой улыбкой великана Анатолий Андреевич понимал эталонным. Он сам был убежденным почитателем знаменитого английского тренера Стива Фернберна с его девизом «За стиль кубки в гребле не дают». Он, кстати, первым перевел на русский ключевые главы из учебника Фернберна, объяснял молодежи идеи своего идола – и как тут не вспомнить об одном прелюбопытном эпизоде.

xxx

Где-то незадолго до войны по каким-то торговым делам в Москву прибыл Роберт Трейл. Он был неплохим гребцом, тренировался у Фернберна, и когда с моста обводного канала увидел гоночные лодки, то решил заглянуть на «Стрелку», где сторож подвел его к знавшему английский язык Переселенцеву. Тот посадил Трейла в двойку с Долгушиным, потом англичанин потренировался в распашной четверке, наконец, усадил на место рулевого, и все увиденное привело Трейла в изумление.

Лучшие московские гребцы давно ушли от вычурной, малоэффективной, ортодоксальной гребли, противником которой и был Фернберн. Эти молодые люди со «Стрелки» пластались в лодке, чтобы увеличить проводку весел, прекрасно использовали свой вес и держали высокий темп при мощных гребках.

Все это появилось не само собой и не сразу, именно такую манеру грести и развивал на «Стрелке» Переселенцев. И когда на Олимпиаде 1952 года в семи номерах программы наши гребцы выиграли один финал (Юрий Тюкалов), в другом завоевали «серебро» (Георгий Жилин и Игорь Емчук), а в конце регаты стрелковская восьмерка «Крыльев Советов» финишировала второй, то какая-то часть этих прекрасных для дебютантов достижений несомненно связана с Анатолием Андреевичем Переселенцевым, ведь по сути он создал на «Стрелке» свою школу, нашел последователей.

xxx

Обо всем этом мне когда-то рассказывали старые гребцы, и больше остальных Яков Владимирович Шестоперов, полковник в отставке. Он, кстати, был партнером Переселенцева в его последней гонке на чемпионате РСФСР 1923 года. Соревнование это они выиграли, но сразу же после награждения Переселенцев сказал партнеру: «Это дело для молодых, а я и азарта уже не ощущаю. Все, заканчиваю».

Не раз я гостевал у Шестоперова, много интересного узнал в тиши его кабинета на Зубовской площади. Яков Владимирович говорил, что на «Стрелке», этом крошечном оазисе с липовыми деревьями, Переселенцев был чем-то вроде божка. Его яркое спортивное прошлое, его правильная московская речь, безупречные манеры и уж, конечно, интеллект и глубокие разнообразные знания производили сильное впечатление на молодежь, горластую и с прощительной для ее возраста простотой в отношениях, бесцеремонностью. Но с Переселенцевым они держались, что говорится, на дистанции, это был мэтр, к месту ироничный, несколько странный и как бы из другого мира, потому и недосягаемый.

Совершенно неожиданно у этого светского человека, избалованного любимца москвичей, обнаружился дар педагога и пропагандиста. Он публиковал отчеты и серьезные статьи, создал в Центральном институте физкультуры что-то вроде методического центра, не только садился как тренер в катер или рулевым в лодку, но и занимался набором новичков, ставил им гребок на плоту с тренажером – летом, и в зимнем бассейне, который появился опять же по его инициативе.

Об этом я свидетельствую и со слов своей горячо любимой матушки (ей сейчас 93 года), в которой, увидав в ЦПКиО, Переселенцев угадал способности для гребного спорта, уговорил прийти на «Стрелку», где в течение двух-трех месяцев объяснял, что и как надо делать с веслом. Поспешу похвастаться, что в 1938 году под девичьей фамилией она стала в команде чемпионкой СССР, да еще установила всесоюзный рекорд.

А ведь к тому времени Анатолий Андреевич был руководителем всего московского спорта, мог бы ограничиться кабинетной деятельностью. Но стремился как раз к черновой, практической, самой трудной и неблагодарной и, кстати, неоплачиваемой работе.

В довоенные годы главные силы столичного гребного спорта сосредоточились в «Динамо» и ЦДКА. Это были действительно мощные, военного образца клубы со своими базами – под трамплином на Ленинских (ныне Воробьевых) горах и на Химкинском водохранилище. Но Переселенцев понимал значение здоровой конкуренции и очень многое сделал для создания новых и усиления уже существующих гребных секций. И прошло не так уж много времени, как отдельные командочки стали покусывать армейцев и динамовцев. Особенно эта созидательная работа удалась в «Спартаке», где Анатолий Андреевич нашел понимание и поддержку у Николая Петровича Старостина, первого тогда лица этого ДСО.

xxx

У Анатолия Андреевича сохранились предания связи с московской богемой. Именно он привел на «Стрелку» тогдашнюю театральную молодежь, среди прочих Рину Зеленую, Игоря Ильинского, Виктора Станицина. Больших успехов на лодочных состязаниях они не достигли, но чудачества и всевозможных розыгрышей прибавили, и если, скажем, из мужской раздевалки несся хохот, то все знали, что это Ильинский рассказывает какую-то смачную байку.

Атмосфера на этой водной станции вообще была удивительной. Собирались здесь студенты, много было и работяг, особенно с соседней кондитерской фабрики «Красный Октябрь», у них даже свои, и не слабые, команды были. И вполне дружески и искренне общались с ними и люди театра, и уже состоявшиеся, то есть с дипломами, архитекторы, врачи, технари. Какое-то время там бывал и Иван Лихачев, легендарный «красный

директор» ЗИСа, отец-основатель футбольной команды «Торпедо». Он же под впечатлением от «Стрелки» создал на Москвереке у Кожухово гребную базу для своих автозаводцев, давно, увы, снесенную.

И весь этот разный, шумный, пестрый мир жил не только спортивными страстями, но и кипел-бурлил по поводу каких-то событий вне ажурных ворот «Стрелки», и уж, конечно, флиртовал. Скольких рослых, пышущих здоровьем дев-чемпионок увели не шибко успешные в спорте ученые с бородами, какое замечательное потомство они получили!

Ну а если случались конфликты, что по спортивной части, так и по бытовой, то первым делом шли к Переселенцеву: он-то все поймет и разведет стороны с миром. Впрочем, верно и то, что всякого рода недоразумения случались здесь крайне редко, а нечто серьезное – вообще никогда.

Была еще одна фигура, и какая – граф Сергей Борисович Шереметьев, пятикратный чемпион СССР. Был он огромного роста, с непомерно длинными руками и лицом, словно вырубленным топором. А приглядишься к его стати, неспешным жестам, непроницаемому лицу – э, нет, это не мужик с пашни, это порода!

Был Шереметьев прост, в сложные беседы не встречал, уже тогда любил хорошо выпить – его могучему организму это не мешало выигрывать, и для всех он был своим в доску Серегой. Но не для Переселенцева, который понимал, насколько тот по своему происхождению выше его. Такая вот милая слабость, если не чудинка... Жил Шереметьев в особняке, как раз рядом со зданием Военторга, в двух небольших после уплотнения комнатах. Переселенцев, случалось, наносил ему визиты и однажды пережил там нечто, близкое к ужасу.

У Шереметьева были две сестры, одна от потрясений в те опасные годы ослабла на голову, и вот однажды Переселенцев слышит, как с балкона она кричит: «Сенька, Климка, это что вы шастаете по моему двору, кыш отсюда!» Анатолий Андреевич глянул вниз и обомлел: по двору, при мундирах и наградах, шагали маршалы Ворошилов и Буденный, ставшие в те годы соседями Шереметьевых.

Но обошлось. По всей видимости, маршалы с боевым прошлым не снизошли до наказания женщины с нездоровой психикой. Массовый террор 30-х годов каким-то чудесным образом обошел Шереметьева, хотя даже в годы войны он, доброволец впоследствии легендарного, диверсионного ОМСБОНа, ощущал недоверие со стороны особистов. Якобы невзначай приглашали на беседы «по душам», на задания в тылу врага не посылали. Потом, правда, отвязались... А вот Анатолия Переселенцева горькая чаша не обошла, попал под каток репрессий.

Было к чему прицепиться: работал за границей, ведет себя независимо, да и в остальном мало похож на советского человека – чужой, судя по всему, подозрительный. Вменяли ему подготовку покушения на Сталина. «Стрелка» располагалась неподалеку от Кремля, и следователи вообразили, что оттуда, тем более подплыв на лодке, можно совершить покушение. Бред, конечно, но тогда чего только не городили дознаватели.

Но отсидел он на Лубянке недолго. Его питомцы, да и другие, написали петицию в защиту, с ней и отправились большой группой на Лубянку. К следователю, ведшему его дело, охрана направила лишь способного внятно объясняться Виктора Хайлова, будущего,

кстати, доктора химических наук, профессора, а также Долгушина, не очень разговорчивого, но со всесоюзной славой. И случилось невероятное: спустя какое-то время узник был выпущен на свободу.

Увы, весной 1941 года Переселенцева снова арестовали, и уж теперь он отсидел семь лет, и эти годы надломили его. Иногда он заглядывал на «Стрелку», но это уже был не прежний Тоша – так его звали близкие люди, не щеголь с неторопливыми барскими манерами, не преинтересный собеседник, а неприкаянный, грузный, замкнутый человек. Да и знакомых ему лиц здесь было немного, большая часть, в том числе и великий Долгушин, погибли на войне, другие из-за ранений или возраста не вернулись в гребной спорт, а молодые просто ничего не знали о нем: у них появились свои кумиры.

А потом Переселенцев и вовсе исчез и никто толком не мог сказать, что с ним, где он. О его личной жизни вообще мало что знали, это несколько странно, но никто даже из самых близких ему друзей ни разу не был у него дома – не приглашал. Да и сам он крайне редко ходил к кому-то в гости. Его первой женой была знаменитая теннисистка Нина Теплякова, воспитавшая позднее целую плеяду первоклассных спортсменок, среди них Ольгу Морозову и Анну Дмитриеву. Скуластенькая, с лицом азиатского типа, красавицей не была, но обладала таким магнетизмом, что кавалеры роились вокруг нее. Предпочтение, однако, отдала Переселенцеву.

Брак их не был долгим. Но когда они уже были в разводе, она не раз приезжала к нему, уже находящемуся в «зоне», регулярно посылала продукты и теплые вещи. Второй женой Анатолия Андреевича стала некая Катя, миловидная девушка, не из спортсменок, лет эдак на 15 моложе своего супруга. В ЗАГСе, сразу после поздравлений, Переселенцев веско сказал: «Спасибо, но поздравлять нас попрошу через год-другой, когда будет ясно, как сложится наша жизнь».

А о том, как она сложилась, ничего не известно. Неизвестна и дата кончины великого русского спортсмена, неизвестно и место его упокоения.

Грустно об этом говорить, очень грустно. Иной должна была стать участь этой яркой, своеобразной личности.

Ну а напоследок о линии, начавшейся с Переселенцева, в какой-то мере и с Михаила Кузика. Их наследниками стали упомянутые выше Долгушин и Тюкалов, затем грянула эпоха трехкратного олимпийского чемпиона Вячеслава Иванова, матушка которого, к слову, работала на «Красном Октябре» и привела за руку на соседнюю «Стрелку» своего сверх меры шустрого сына – в воспитательных, надо понимать, целях. Он же еще четыре раза выиграл чемпионаты Европы и первый чемпионат мира (1962 год, Люцерн, Швейцария).

А затем, в 1972-м, золотую олимпийскую медаль на одиночке завоевал Юрий Малышев, скромный молчун из Химок. Были и другие одиночники международного уровня: серебрянный олимпийский призер Василий Якуша, например. Или Алик Гусев, очень многообещающий, но, к великому сожалению, нелепо погибший под лавиной на сборе в Цахкадзоре... Через одиночку пробился к олимпийской победе московский динамовец Александр Беркутов. В 1954-м он даже превзойдет Тюкалова на чемпионате СССР. Потом они объединятся и выиграют (1956 год, Мельбурн) на двойке золотые олимпийские медали. Потом тоже москвичи Анатолий Сасс и Александр Тимошинин именно на

одиночке войдут в большую силу: юный Александр даже выиграет Хенлейскую регату, собравшую едва ли не всех сильнейших одиночников мира, а Анатолий Фомич на Спартакиаде народов СССР с большим перевесом выиграет у Иванова, и это будет первое поражение выдающегося гребца. Но у строгого тренерского совета было свое понимание ситуации, и Сасса с Тимошининым усадили в двойку, на ней они и выиграли Олимпиаду 1968 года в Мехико. А в целом-то, смотрите, какой потрясающий реестр, ни одна другая страна не приближается к этой сумме побед.

Что это – немыслимый фарт, некая мистика? Да нет же, конечно. Не хочется разжевывать очевидную истину, но надо просто признать, что интерес к этой легонькой, верткой и самой сложной лодке был заложен у нас в начале ушедшего века. Как и престиж ее, и особый подбор молодцов для гребли на одиночке, и всякие там нюансы техники, тактики. Следом за основоположниками все покатило-поехало...

Переселенцев и Свешников

Митрофан Свешников – фигура несколько анекдотичная. Самым его значительным успехом стал выигрыш «Кубка Невы», о чем «Петербургские новости» сообщили следующее: «Героем победителем стал, к общему восторгу присутствующих и в особенности дам-зрительниц, красавец-москвич г. Свешников, юноша с атлетическими формами и симпатичной брюнетистой внешностью».

В послевоенные годы, когда в нашем Отечестве началась борьба с космополитизмом и одновременно возвеличивание до былинных высот более-менее известных соотечественников, Митрофан Свешников в своих воспоминаниях в тогдашней прессе назвался по понятным причинам дворником, хотя был служащим в банке. А своих соперников по незабываемой для него гонке на Малой Невке возвел до уровня сильнейших одиночников мира, тогда как на самом деле все они были работниками посольств, то есть весьма средними любителями.

Это, само собой, бесило Переселенцева, и если Свешников появлялся на «Стрелке» (бывший императорский яхт-клуб), то победителю якобы чемпионата мира, Хенли и прочих не было житья от язвительных реплик Анатолия Андреевича. А когда, желая продемонстрировать свое умение, Свешников усаживался на тренировочный плот, то Переселенцев с нарочитым воплем ужаса уводил своих питомцев: дескать, переймете это безобразие, потом переучить не смогу...